

Живет в Нюрнберге (Германия).

* * *

У бедной сиротки
шарили посере́дке,
сверялись с таблицами норм развития:
в живых остаются - кто даровитее,
чьи бёдра круче, глаза темнее, оргазмы ярче,
чьи резкие тени на потолке маячат.

А эту бледную мышь - пора в крематорий.
Здесь жалости места нет - здесь плацдарм истории.

К чему тишина укоряюще-гробовая:
ошибка Творца, генетический брак - ничего, бывает...

Но только всегда находится извращенец,
который плюёт на талантливых соплеменниц,
навязанные кем-то каноны, законы сверху -
и сразу после вечерней поверки
выхватывает в толпе её руку,
находит, почти не целясь,
мишень её взгляда - о, как же она глядит!..

И уводит,
прижимая к груди,
как самую хрупкую
драгоценность.

Брухита

Брухита читает Борхеса и ищет на белом снегу тайные знаки -
Чтоб не был грядущий отрезок жизни абсурден, безлик и жуток.
За тех, кто поёт и борется, кому разбивают лицо и гребут в автозаки,
Чей голос взят под арест и закрыт на пятнадцать суток.

Шутя посвятив нас в лузеры, выбив опору снизу,
Рычит и уходит безумный год с глазами дикого зверя.
Брухита ждёт свою музу. У музыки бесшумная поступь и запах аниса.
И вкрадчивый шёпот: новый - лучше, чем тот. И ей так хочется верить.

Резвится в бокале синее пламя - и главное уже знаем мы:
На древнем пергаменте все пометки сами собой открылись.
Есть ещё время всё переплавить, переписать, передумать заново.
Брухита читает Маркеса - и мир наполняется шелестом жёлтых крыльев.

Корфу

Тут время тянется медленно.
Тут солнце пахнет кумкватами.
Богини с лицами медными
С рожденья морю просватаны.

И все растут nereидами,
И все растут навсикаями.
Улиссы тешатся видами
И до утра развлекаются.

Гремит сиртаки навязчиво

У ног притихшей Ионики.
Улиссы ищут рассказчиков
Своей немыслимой хроники...

Бикини с райскими птицами,
Мандолы с ловкими пальцами...
И так пронзительно спится мне.
И так светло просыпается.

